

speech of modern youth. This article explores the concept of «slang», it's place and features in the vocabulary of modern English.

Сидорова Лариса Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и переводоведения ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева» (г. Чебоксары, РФ)

Е. В. Турковская
Учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П. М. Машерова»
e.turkovskaya@mail.ru

УДК [811.161.1`373.4+811.112.2`25]:821.161.1-31

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ В ПЕРЕВОДЕ РУССКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК: НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ», «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Ключевые слова: категории определённости, языковые средства, местоименные слова, русский язык, немецкий язык.

Статья посвящена частным вопросам перевода в собственно исследовательском плане, где рассмотрение конкретных способов перевода непосредственно переходит в сопоставительный анализ рассматриваемых явлений двух языков. Использование материала переводов позволяет ставить вопрос о синонимических средствах выражения, которыми располагают оба языка, а изучение переводов даёт материал первостепенной важности для сопоставительного изучения языков и тем самым для раскрытия специфических особенностей грамматического строя и лексико-стилистической системы каждого из них. В качестве исследуемой пары языков были выбраны русский безартиклеый язык как исходный и артиклеый немецкий язык как язык перевода.

Основная проблема, с которой сталкивается переводчик при передаче референциальных значений, выражаемых в исходном тексте, – это несовпадение круга значений, свойственных единицам иностранного и переводного языков. Не существует двух различных языков, у которых смысловые единицы – морфемы, слова, устойчивые словосочетания – совпадали бы полностью во всем объёме своих референциальных значений [2, с. 74].

Поскольку в русском языке категории определённости / неопределённости (далее КОН) имеет статус смешанной категории, выступая

либо как скрытая лексико-семантическая категория, если средствами её воплощения являются местоименные слова и аналоги артиклей, либо как явно синтаксическая, когда её показателями становятся различные синтаксические конструкции, либо как просодическая, то при переводе языковых средств передачи данной категории с русского языка на немецкий возникает ряд трудностей. Это связано в первую очередь с тем, что в немецком языке КОН – грамматическая категория, обладающая единым формальным показателем определённости / неопределённости (далее О / Н) – артиклем, в то время как русский является безартиклевым языком.

Так как понятие О / Н не имеет однозначного определения в литературе, наиболее распространёнными являются теории, в которых определённой считается именная группа (далее ИГ) с определённым артиклем, а неопределённой – ИГ с неопределённым артиклем или с любой другой лексемой, выражающей неопределённость. Когда речь шла о выражении этой категории в безартиклевых языках, обычная процедура при определении характера ИГ с точки зрения её О / Н была следующая. В том случае, если ИГ переводится на артиклевый язык с помощью определённого артикля – ИГ является определённой, а если ИГ переводится на артиклевый язык с помощью неопределённого артикля или любой другой лексемы, выражающей неопределённый характер ИГ, – ИГ является неопределённой. Но подобное рассмотрение этого вопроса слишком его упрощает, при этом упускается множество факторов, которые необходимо учитывать, рассматривая эту проблему [10, с. 38].

В современном русском языке наиболее часто маркируются показатели категориального признака определённости. Дейксис совпадает во времени с моментом речи и придаёт указательному слову каждый раз единственный и неповторимый характер, заключающийся в единственности речевого акта, с которым указательное слово имеет референцию. Основным является соотношение указателя (лица, времени, места) с данным настоящим моментом речи [3, с. 287–288]. Действительно, при употреблении местоимений в разных контекстах, в разных речевых ситуациях, конкретное содержание будет каждый раз новым, но в данном случае меняется лишь референция, не имеющая отношение к лексическому значению местоименных слов. Семантическое своеобразие местоимений, как справедливо отмечает О. Н. Селиверстова, заключается не в отсутствии лексического значения и даже не в его изменчивости, а в том, что они задают определённый уровень представления актанта ситуации, но при этом не содержат в себе информации, соответствующей этому уровню представления [9, с. 36]. Слова во взаимодействии с указательными или контекстно-ситуативными моментами превращают существительное в название контекстно определённого предмета – ‘данного’, ‘этого’, ‘того’.

Ядром категории определённости являются местоименные слова с определённым и указательным значением (указательные, относительные,

притяжательные местоимения), у которых сема указательности гасится и активизируется сема индивидуализации [1, с. 72].

Самым распространённым указательным местоимением современного русского языка является местоимение *этот*, которое изменяется по падежам и согласуется в роде и числе с определяемым им существительным. В качестве переводных эквивалентов данного местоимения выступают сопоставимые с ним по семантике местоимения *dieser* и *der*, также согласующиеся в роде, числе и падеже со следующими за ними существительными. Как *dieser*, так и *der* выражают указание на какой-то определенный предмет, но указательная функция местоимения *dieser* является более сильной, чем указательная функция *der*, в связи с чем последнее местоимение в переводном тексте встречается реже [6, с. 281]. Например:

- Он уже прежде знал, что в этой квартире жил один семейный немец, чиновник: «Стало быть, **этот** немец теперь выезжает, и, стало быть, в четвёртом этаже, по **этой** лестнице и на **этой** площадке, остается, на некоторое время, только одна старухина квартира занятая...», – подумал он... («Преступление и наказание»).

*Er hatte schon früher in Erfahrung gebracht, dass hier eine deutsche Beamtenfamilie wohnte. «Also **dieser** Deutsche zieht jetzt aus; folglich ist für einige Zeit im dritten Stock an **diesem** Ausgang und an **diesem** Treppenabsatz die Wohnung der Alten als einzige bewohnt», dachte er...*

Местоимения *то* / *та* / *том* / *те* встречаются достаточно редко: на 5 употреблений местоимения *этот* приходится одно употребление местоимения *том*. На немецкий язык данное местоимение переводится соответствующими ему по семантике указательными местоимениями *dieser*, *jener*. Например:

- «Князь Лев Николаевич Мышкин», – отвечал **том** с полной и немедленной готовностью («Идиот»).

*«Fürst Lew Nikolajewitsch Myschkin», antwortete **dieser**, ohne zu zögern, mit größter Bereitwilligkeit.*

Местоимения *этот*, *том* являются так называемыми «чистыми детерминативами» («определителями», «актуализаторами»), т. е. специальными показателями референциальных статусов [7, с. 256]. Остальные местоимения получаются в результате лексикализации (стяжения) сочетаний актуализаторов с некоторыми смысловыми компонентами абстрактного типа («тематическими» классифицирующими признаками: ‘в этом месте’ ⇒ здесь; ‘в то время’ ⇒ тогда). Значение определённости при этом передаётся в переводном тексте с помощью определительных местоимений, выраженных обстоятельственными наречиями указательного типа. Подобные наречия дают чёткую и однозначную характеристику предмету, о котором идёт речь. К ним относятся такие пространственные и временные наречия, как *dort*, *drüben*, *drinnen*, *hier*, *damals*, *jetzt*, *gleichzeitig*, *erstmal*. Выбор же немецкого эквивалента в данном случае зависит скорее от

индивидуальных предпочтений переводчика, нежели от семантических и стилистических различий данных наречий, поскольку они в большинстве своём являются абсолютными синонимами. Например:

• *В то время он и сам ещё не верил этим мечтам своим...* («Преступление и наказание»).

Damals glaubte er selbst noch nicht an diese seine Phantasiegemälde...

Слова *так*, *такой* не просто отсылают к акту речи, но и содержат в своём значении референциальный статус «известности». Тот факт, что слово *такой* придает связанному с ним существительному статус «неопределённости», не противоречит трактовке местоимения *такой* как указательного. Дело в том, что семантическая природа этих слов двойственна: собственно местоименный компонент здесь сигнализирует об «известности» (так как в толковании слова *такой* содержится слово *этот*), однако «тематический» компонент значения говорит о том, что признак известности приписывается не предмету как таковому, а некоторому признаку этого предмета. Оператор «известности» относится не к референту именной группы в целом, а к концепту, характеризующему этот референт: *такой* = ‘обладающий *этим* свойством’; *так* = ‘*этим* способом’. На немецкий язык данное указательное местоимение переводится словами, соответствующими семантике ‘*этот*’, ‘*такого рода, подобный*’, ‘*так, таким образом*’ – *dieser, solcher, derartig, so*. Например:

• *Он так устал от целого месяца этой сосредоточенной тоски своей и мрачного возбуждения, что хотя бы одну минуту хотелось ему вздохнуть в другом мире ...* («Идиот»).

Er war von seiner nun schon einen ganzen Monat dauernden heftigen Unruhe und düstern Aufregung so erschöpft, dass er sich danach sehnte, wenigstens für einen Augenblick in einer andern Welt aufzuatmen ...

При указании на нераздельное, цельное, взятое в полном объёме; на исчерпывающий охват однородных предметов, лиц, явлений значение определённости может усиливаться путём присоединения к уже рассмотренным нами указательным местоимениям *этот*, *тот* местоимения *весь*. При переводе существуют вариативные комбинации данного местоимения с прилагательными соответствующей семантики *all, ganz* и указательными местоимениями *dieser, der/die/das, all diese, dies alles, diese ganze, das alles*. Например:

• *Но останавливаться на лестнице, слушать всякий взор про обыденную дребедень, до которой ему нет никакого дела, все эти приставания о платеже, угрозы, жалобы...* («Преступление и наказание»).

Aber auf der Treppe stehenzubleiben, allerlei Gewäsch über allen möglichen ihm ganz gleichgültigen Alltagskram, all diese Mahnungen ans Bezahlen, die Drohungen und Klagen anzuhören ...

Для привлечения большего внимания, настойчивости, выделения предмета ставятся частицы *-то*, *же*, находящиеся в постпозиции к местоимению. Частица *-то* не указывает напрямую на обозначаемый

предмет, а выполняет в языке только функцию выделения темы, являясь деграмматикализированным артиклем, который когда-то так и не закончил своего формирования. Сейчас рассматриваемая постпозитивная частица снова начинает использоваться в артиклевой функции, являясь артиклоидом. В переводном тексте она передаётся определённым артиклем или же опускается, поскольку в русском языке ей предшествуют, как правило, слова, не требующие дополнительного уточнения семы определенности (указательные, притяжательные местоимения). Например:

• *Билеты-то я продал, деньги взял, а к Андреевым в контору не заходил ... («Идиот»).*

Die Staatsschuldscheine verkaufte ich und empfing das Geld dafür; aber zu Andrejew aufs Kontor begab ich mich nicht...

• *Все провожавшие её оцепенели от изумления, толпа раздвинулась перед нею, и в пяти, в шести шагах от крыльца показался вдруг Rogoshin. Его-то взгляд и поймала в толпе Настасья Филипповна («Идиот»).*

Alle ihre Begleiter standen starr vor Staunen, die Menge trat vor ihr auseinander, und fünf oder sechs Schritte von der Haustür entfernt erschien plötzlich Rogoshin. Sein Blick war es gewesen, den Nastasja Filippowna in der Menge aufgefangen hatte.

Частица *же* также не требует перевода на немецкий язык, поскольку в русском языке она призвана лишь усиливать значение определённости, привлекать внимание к предмету. Например:

• *Квартирная же хозяйка его, у которой он нанимал эту каморку с обедом и прислугой, помещалась одною лестницей ниже... («Преступление и наказание»).*

Seine Wirtin, die ihm diese Kammer vermietet hatte und ihm auch das Mittagessen lieferte und die Bedienung besorgte, wohnte selbst eine Treppe tiefer...

• *«На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков боюсь!» – подумал он со странною улыбкой («Преступление и наказание»).*

«Eine so große Sache plane ich, und dabei fürchte ich mich vor solchen Kleinigkeiten!», dachte er mit einem eigentümlichen Lächeln.

Встречаются также контексты, где значение определённости усиливается при помощи слова *самый*, эквивалента которого в немецком языке нет. Например:

• *«Это ровно за минуту до смерти», – с полной готовностью начал князь, увлекаясь воспоминанием и, по-видимому, тотчас же забыв о всём остальном, тот самый момент, когда он поднялся на лесенку и только что ступил на эшафот («Идиот»).*

«Es war genau eine Minute vor dem Tode», – begann der Fürst sehr bereitwillig – er schien von seinen Erinnerungen ganz hingerissen zu sein und sogleich alles übrige zu vergessen, in dem Augenblick, wo er die Stufen hinaufgestiegen war und das Schafott betreten hatte.

- ...и князь помнил потом, что сказал себе: «Это, наверно, **тот самый** дом» («Идиот»).

... *der Fürst erinnerte sich später, dass er zu sich gesagt hatte: «Es wird gewiss **dieses** Haus sein!».*

Категория определённости также ярко оформляется посессивными показателями (притяжательными местоимениями), выражающими конкретность и известность предмета. Доминирование посессивных показателей составляет большинство из всех языковых средств выражения определённости, так как в одном предложении может быть два и более показателей данного значения. Эквивалентами в переводном тексте выступают соответствующие притяжательные местоимения немецкого языка либо определенный артикль. Например:

- *Но столько злобного презрения уже накопилось в душе молодого человека, что, несмотря на всю **свою**, иногда очень молодую, щемотливость, он менее всего совестился **своих** лохмотьев на улице...* («Преступление и наказание»).

*Aber in der Seele des jungen Mannes hatte sich bereits so viel ingrimmige Verachtung angesammelt, dass er trotz all **seiner** mitunter stark jünglingshaften Empfindlichkeit sich **seiner** Lumpen auf der Straße nicht mehr schämte.*

- *А **твой** характер и любовь **твоя** должны её поразить!* («Идиот»).

*Und **dein** Charakter und **deine** Liebe haben sicherlich auf sie einen großen Eindruck gemacht!*

Таким образом, общность местоимений как основных языковых средств выражения категории определённости семантики состоит в том, что все местоимения служат в языке для целей референции. Единство местоимений как класса, отечественный лингвист Е. В. Падучева видит в связи с их «принципиальной ролью в осуществлении референции: это слова, в значение которых входит либо отсылка к акту речи, либо указание на тип соотнесённости высказывания с действительностью» [8, с. 11]. В немецком языке местоимения выполняют те же функции, что и в русском, в чём мы убедились, сравнив их контекстуальные употребления и варианты перевода на немецкий язык.

Числительное *один* также обладает категориальными признаками определённости в русском языке, несмотря на то что значения этой лексемы, как правило, характеризуются высокой степенью обобщённости и абстрактности. В большинстве случаев эквивалентной переводной единицей числительного *один* в переводном языке выступают неопределённый артикль *ein*, неопределённое местоимение *ein* и числительное *ein*, которые являются в современном немецком языке лексико-семантическими вариантами одного и того же слова, различными контекстными реализациями одной и той же лексической единицы. На основе приведённых примеров употребления слова *один* в художественных текстах, следует отметить, что *один* имеет несколько значений определённости – ‘именно этот’, ‘некий в количестве одного’, ‘один единственный’. Ограничительные частицы *лишь*, *всего*, *только*

усиливают значение единичности, а контекст в таком случае предполагает числовое ограничение предметов – всего один и не больше. В качестве переводного эквивалента русских *всего / только / лишь один*, в переводном языке чаще встречается сочетание *nur / bloß ein*. Если же за числительным *один* следует существительное собственное, то неопределённый артикль *ein* при переводе опускается, а сему единичности выражает наречие *allein*. Например:

- – *Да со мной поклажи всего **один** маленький узелок с бельём, и больше ничего; я его в руке обыкновенно нес* («Идиот»).

*Als ganzes Gepäck habe ich nur **ein** kleines Bündelchen mit Wäsche bei mir; das trage ich gewöhnlich in der Hand. Ich werde am Abend noch Zeit haben, mir ein Zimmer zu nehmen.*

Контекстно-ситуативная определённость числительного *один* в значении ‘некий в количестве одного’ выражается в ПЯ неопределённым артиклем *ein*. Например:

- «*Брат, – твёрдо и тоже сухо отвечала Дуня, – во всём этом есть **ошибка** с твоей стороны*» («Преступление и наказание»).

*«Bruder, antwortete Dunja fest und in ebenso trockenem Tone, in alledem liegt **ein Irrtum** deinerseits vor».*

В значении же ‘один единственный’ данное числительное может переводиться при помощи различных лексических единиц в зависимости от индивидуальных предпочтений авторов, что также является одним из существенных факторов, влияющих на выбор немецкого эквивалента. Так, переводным эквивалентом в таких случаях обычно является прилагательное с семантикой ‘единственный’ – *einzig*, чаще в сочетании с определённым артиклем, но как варианты также возможны употребления в переводном языке сочетания неопределённого местоимения *ein / eine + einzige* либо фразеологических единиц типа *allein und einzig*. Например:

- *Нет, это не то, что Арманс. Тут **один** Тоцкий. Да вечером в Большом али во Французском театре в своей собственной ложе сидит* («Идиот»).

*Nein, die ist von anderer Art als Fräulein Armance. Da ist Tozkij **der einzige**. Abends sitzt sie im Großen Theater oder im Französischen Theater in ihrer eigenen Loge.*

- *Ты знаешь, как я люблю тебя; ты **один** у нас, у меня и у Дуни, ты наше всё, вся надежда, упование наше* («Преступление и наказание»).

*Du weißt ja, wie ich Dich liebe; Du bist mir und Dunja unser **ein und alles**, unsere ganze Hoffnung, unsere Zuversicht.*

Таким образом, сравнительно-типологические исследования в практическом плане способствуют осознанию как структуры иностранного языка с позиции родного языка, так и структуры родного языка с точки зрения иностранного. Компаративный анализ фактов двух языков позволяет определить те или иные общие для них черты, а также выявить, структурные и типологические особенности каждого из исследуемых языков.

Литература

1. Аракин, В. Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования: учеб. пособ. для студ. и преп. пед. вузов / В. Д. Аракин. – М.: Высшая школа, 1989. – 158 с.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М.: ЛКИ, 2010. – 240 с.
3. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: УРСС, 2002. – 448 с.
4. Достоевский, Ф. М. Идиот: Роман / Ф. М. Достоевский. – М.: ЭКСМО, 2020. – 640 с.
5. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание: Роман в 6-ти частях с эпилогом / Ф. М. Достоевский. – М.: Мир книги, 2006. – 512 с.
6. Крушельницкая, К. Г. Советы переводчику / К. Г. Крушельницкая, М. Н. Попов. – М.: Астрель, 2002. – 316 с.
7. Крылов, С. А. Детерминация имени в русском языке: Теоретические проблемы / С. А. Крылов // Семиотика и информатика. – 1997. – № 35. – С. 244–271.
8. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносённость с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. – М.: Наука, 1985. – 271 с.
9. Селивёрстова, О. Н. Местоимения в языке и речи / О. Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1988. – 151 с.
10. Хервилья, Э. Ф. К. Сопоставительное изучение категории определённости / неопределённости в русском и испанском языках / Э. Ф. К. Хервилья. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 198 с.

E. V. Turkovskaya

Educational establishment

«Vitebsk State University named after P. M. Masherov»

e.turkovskaya@mail.ru

LINGUISTIC MEANS OF CONVEYING CERTAINTY IN THE TRANSLATION OF RUSSIAN WORKS INTO GERMAN: BASED ON THE MATERIAL OF THE WORKS OF F. M. DOSTOEVSKY «THE IDIOT», «CRIME AND PUNISHMENT»

Keywords: categories of certainty, linguistic means, pronominal words, Russian language, German language.

This article is devoted to particular issues of translation in the research plan itself, where the consideration of specific translation methods directly turns into a comparative analysis of the phenomena of the two languages under consideration. The use of translation material allows us to raise the question of synonymous means of expression available in both languages, and the study of translations provides material of paramount importance for the comparative study of languages and thereby to reveal the specific features of the grammatical structure and lexico-stylistic system of each of them. The Russian non-article language as the source language and the article German as the translation language were chosen as the studied pair of languages.

Турковская Елена Веславовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры мировых языков УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (*г. Витебск, Республика Беларусь*)